

Рустем Вахитов

Евразийцы и Платон: от тирании к «аристократии духа»

RUSTEM VAKHITOV
THE EURASIANS AND PLATO:
FROM TYRANNY TO “ARISTOCRACY OF SPIRIT”

ABSTRACT. In *Leges*, Plato wrote about the possibility to establish the best State of philosophers by means of reeducation of a tyrant of suitable disposition. Plato's own attempts to influence the tyrants of Syracuse, Dionysii the Elder and the Younger, might be understood in this vein. Eurasianists of the 1920s also attempted to influence some bosses of the Bolshevik party (cf. P.P. Suvchinsky's and L.P. Karsavin's negotiations with G.L. Pyatakov in Paris in 1927) and commanders of the Red Army (cf. codename *Trust* set off by the Soviet intelligence agency *GPU*), hoping to entice them with the Eurasianist ideology. This parallel is not a casual one, but seems to be implied in the internal logic of Platonism (in all its forms, including that of the Eurasianist philosophy). Tyranny represents the last point of degeneration of the ideal State (by way of successive timocracy, oligarchy, and democracy). This degeneration is caused by the loss of ties between the “social substance” (the mundane state) and its spiritual principle, the *eidos* of justice. Plato describes this development in his *Respublica*. The Eurasianist interpretation of the Russian history subsequent to the Golden Horde period may also be represented as such an involution of the “ideal theocracy” of the orthodox Moscow tsardom.

KEYWORDS: Plato, Eurasianism, aristocracy of spirit, tyranny, Bolshevism.

1.

В одной стране произошла демократическая революция. Народ — крестьяне и горожане-простолюдины — свергли свою ари-

© Р.Р. Вахитов (Уфа). Rust_R_Vahitov@mail.ru. Башкирский государственный университет.

стократию (надо заметить, к тому времени изрядно выродившуюся) и попытались установить общественное самоуправление. Однако в конце концов оно превратилось в тиранию узкой группировки самих революционеров. В этих условиях группа опальных философов и ученых, противников демократии и революции — среди которых многие были аристократами, но при этом понимали все недостатки предыдущего строя и не верили в реванш, да и не хотели его, — стала разрабатывать теорию совершенного государства, где власть принадлежала бы элите, знающей божественные первопринципы. При этом сторонников для воплощения своих проектов в жизнь они стали искать... в среде самих тиранов.

Сказанное можно отнести к Платону и платоникам, жившим в V–IV веках до н.э., и к русским эмигрантам-евразийцам, чья активная деятельность пришлась на 20–30-е гг. XX века. Действительно, существуют явные параллели между политической философией Платона и учением русских евразийцев 20–30-х гг., а также и между их политической деятельностью и ее общественно-историческим фоном.

На Платоновской конференции в Москве (2014) я уже выступал с докладом, где стремился раскрыть некоторые из этих параллелей¹. В частности, я говорил о том, что и Платон, и евразийцы в основу своей политической идеологии положили теорию идей (евразиец Савицкий называл их «организующими идеями», а евразиец Алексеев — просто эйдосами в платоновском смысле). В связи с этим они считали, что наилучшим государством должны управлять особо отобранные люди, способные к умственному созерцанию этих божественных идей и к организации общественной жизни в согласии с ними (Алексеев назвал такой строй «эйдократией» и прямо соотносил ее с «республикой философов» Платона). Наконец, и Платон, и евразийцы рисовали это совершенное государство как сообщество людей, которые, независимо от их статуса, должны служить высшим началам, а потому ве-

¹ См. Вахитов 2014.

сти аскетичную жизнь. Отсюда и Платон, и евразийцы заключали, что совершенному «эйдократическому» государству лучше находиться вдалеке от морских торговых путей, в глубине суши, и не стремиться к участию в международном рынке, обеспечивая всем необходимым себя самостоятельно.

В этой своей работе я продолжу рассмотрение таких параллелей и акцентирую внимание на сходстве политической практики Платона и евразийцев.

2.

Как известно, стремясь воплотить в жизнь свой проект идеального государства, Платон трижды посещал Сицилию, где сначала правил тиран Дионисий Старший (ок. 405–367), а затем его сын — Дионисий Младший (367–357, 346–344). По замечанию А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи, «он (Платон — *P.B.*) знал о страсти Дионисия Старшего к поэзии и, возможно, питал горделивый замысел воздействовать своей философией на его нравственный облик», при этом будучи убежденным, «что избавить от зол человеческий род могут только истинные и правильно мыслящие философы, занявшие государственные должности, или же владельцы государств, которые по какому-то божественному определению станут подлинными философами»². А о поездке Платона к сыну тирана, Дионисию Младшему, Лосев и Тахо-Годи прямо говорят как о попытке воплотить в жизнь проект идеального государства, описанного в одноименном диалоге: «Платон, который выразил свои заветные мысли о создании идеального общества в сочинении «Государство», как будто бы неожиданно получал возможность воплотить в жизнь свои мечты»².

Почему же Платон избрал именно такой путь реализации своего политического проекта? Разве не выглядит это по меньшей мере странно, особенно если учесть, какими резкими эпитетами Платон наделял тиранию в своем «Государстве»? Там он, не

² Лосев, Тахо-Годи 1993: 39–40.

² Ibid. 53.

скупясь на эмоции, объявляет, что тирания — наихудший вид государственного устройства, стоящий в этом плане даже ниже демократии (к которой, как известно, афинский философ больших симпатий не питал), а тиран — человек, живущий жизнью, полной страстей и страхов. Тирания, по Платону, — «самое жалкое из государств», а человек с тираническими наклонностями «несчастливее всех остальных» (R. 578b)³.

В диалоге «Законы» мы находим искомый ответ. В книге IV этого диалога Платон раздумывает о том, какое государство нужно взять мудрому законодателю для преобразования его в наилучшее государство, и неожиданно заявляет:

Дайте мне государство с тираническим строем. Пусть тиран будет молод, памятлив, способен к учению, мужествен и от природы великодушен; пусть, кроме того, душа этого тирана обладает теми свойствами, которые, как мы сказали раньше, сопровождают каждую из частей добродетели. Только тогда от остальных его свойств будет польза» (Lg. 709e–710a).

Далее Платон размышляет о том, какие государства помимо тиранических пригодны для того, чтобы преобразовать их в наилучшее государство философов, и оказывается, что после тирании лучше всего для этого годится царская власть, затем — демократия, затем — олигархия. Платон разъясняет это так:

Мы же говорим, что возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве лицами. А поскольку чем меньшее число лиц стоит у власти, тем она крепче, как, например, при тирании, то именно в этом случае всего быстрее и легче совершается переход (Lg. 710e–711a).

Итак, по Платону, преимущество тирании состоит в том, что она представляет собой единоначалие, так что для того чтобы произвести в государстве реформу, достаточно убедить одного — тирана — и не нужно это делать по отношению ко всем гражданам,

³ Здесь и далее перевод А.Н. Егунова.

как, например, при демократии. Мудрому законодателю нужно лишь превратить тирана в философа, остальное тот сделает сам, и на месте наихудшего тиранического государства возникнет наилучшее — государство философов и стражей⁴.

Пикантность ситуации состоит в том, что биографы Платона не устали заявлять о его разочаровании в попытках перевоспитать тиранов и о крахе его надежд на создание совершенного государства (ведь действительно, ни Дионисий Старший, ни его сын не поддались «философским чарам» Платона). Однако в диалоге, который писался непосредственно перед смертью и даже не был дописан, умудренный горьким опытом Платон все равно отстаивает мысль о том, что путь к совершенному государству лежит через тиранию. И становится ясным, что, если бы Платону представилась возможность в четвертый раз попробовать перевоспитать тирана (возможно, уже не Дионисия, который оказался лишен той рассудительности, что, по Платону, нужна для метаморфозы), он бы ей воспользовался. Настолько велика была вера философа в то, что тирания — это врата в наилучшее государство.

3.

Схожую картину мы видим у евразийцев. Евразийцев принято воспринимать как эмигрантское движение, с излишней симпатией относившееся к СССР и коммунизму (с модными в 90-е гг.

⁴ Правда, здесь возникает одна проблема: как согласовать попытки Платона перевоспитать тиранов с его же утверждениями из X книги «Государства» о том, что люди перед рождением выбирают себе судьбы (получают «демонов» в античном смысле слова), и, значит, выбравший судьбу тирана должен пройти ее до конца («Миф о загробных воздаяниях», R. 614c–621b). Благодарю коллег А.И. Резниченко (Москва) и А.А. Каменских (Пермь), указавших мне на эту проблему. Безусловно, этот вопрос заслуживает отдельного исследования, однако уже сейчас, в качестве предварительного ответа на него, можно сослаться на комментарий А.Ф. Лосева к трактату Плотина «О демоне в нас, получившем нас в удел» (Епн. III 4), где Лосев утверждает, что «демон», которого, по Платону, душа получает перед рождением, не является «роковым предопределением» и не исключает свободы человека и возможности его самосовершенствования (Лосев 2000: 654).

обвинениями в том, что евразийство вообще было инспирировано ГПУ, кажется, уже покончено, ввиду их совершенной бездоказательности и абсурдности). Но евразийцы были убежденными антикоммунистами. В коммунизме они видели злую и антихристианскую силу, которую нужно преодолеть, а приход к власти большевиков воспринимали как национальную трагедию. П.Н. Савицкий так и отзывался о коммунизме в статье «Подданство идеи», опубликованной в первом выпуске «Евразийского временника»: «на упоре сатанинской и злой, но огромной идеи коммунизма»⁵.

Евразийцы, конечно, отрицали распространенные в эмиграции «теории заговора», считая их слишком легковесным объяснением такого масштабного социального феномена, как русская революция. Они не идеализировали предыдущий, предреволюционный режим, как это делали многие в эмиграции, видели его язвы и недостатки, из-за которых постепенно копилось возмущение народа и вызревали революционные настроения. Однако евразийцы твердо были убеждены: то обстоятельство, что восставшие народные массы возглавили большевики — представители крайнего радикального крыла западной интеллигенции — было исторической флуктуацией, вызванной лишь тем, что русская интеллигенция оторвалась от своего народа, пропиталась западной европоцентристской идеологией, не смогла предложить народу иную, истинную идеологию, отвечавшую его самобытно-национальному мировидению. В своем манифесте 1926 года евразийцы писали:

Это вовсе не значит, что смысл революции правильно понят и действительные ее задачи верно сформулированы ее официальными идеологами и так называемыми «вождями» ее, которые, не исключая и Ленина, сочетавшего гениальное государственное чутье с тупостью доктринера-фанатика, были не руководителя-

⁵ ЕВ 1923: 9.

ми ее, а ее орудиями. Революция прежде всего — саморазложение императорской России⁶.

Большевики, по евразийцам, — последний осколок старой России, который все равно погибнет, но лишь несколько позже, чем другие ее части (и они оказались правы: «старая гвардия партии», состоявшая из дореволюционных интеллигентов, погибла в сталинских чистках 1937-го). На место им должна прийти новая элита, которая выйдет из среды народа, и задача евразийцев — части русской интеллигенции, освободившейся от гипноза европоцентризма, — дать этой новой элите новую, аутентично национальную идеологию, тем более условия эмиграции, где нет советской цензуры, этому благоприятствуют. Это было общее убеждение не только правых, но и пресловутых левых евразийцев, которых постоянно упрекают в «предательстве эмиграции», в «работе на большевиков» и даже в шпионаже⁷. Левые евразийцы ведь тоже не исповедовали марксизм, а стремились его модернизировать в духе идей Федорова и обновленного евразийства, и не просто шли на сближение с большевиками, но и желали переделать самих большевиков в своем духе.

Костяк новой народной послереволюционной элиты евразийцы видели в младшем и среднем комсоставе РККА и в комсомоле. Именно среди них они развернули пропаганду в период деятельности получившей печальную известность организации «Трест». Сегодня на «Трест» принято смотреть исключительно как на мистификацию ГПУ, но ведь рядовые члены «Треста» вовсе не знали о его чекистской подоплеке. Руководители «Треста» — старорежимные военные и чиновники вроде Якушева — естественно, знали о «колпаке ГПУ», но исследователь национал-большевизма Михаил Агурский однажды высказал остроумное

⁶ Савицкий 1997: 52.

⁷ С.Я. Эфрон и некоторые другие члены кламарской группы действительно стали тайными агентами ГПУ, но уже в 30-е гг., после прекращения деятельности кламарской организации евразийцев, объединенной вокруг газеты «Евразия».

предположение, что еще неизвестно, кто кем манипулировал. Агурский пишет:

«Трест» отличает от простой провокационной организации то, что он проповедовал в среде эмиграции соединение монархии и Советов... Крайне сомнительно, чтобы Якушев, Зайончковский и Потапов действовали лишь как простые шпионы... можно предположить, что они могли рассматривать свою деятельность как первую попытку сотрудничества между большевиками и монархистами, которая впоследствии могла бы стать основой для их реального сотрудничества⁸.

В 20-е годы Советский Союз переживал внутривластный кризис, партию раздирали фракционная борьба, курс НЭПа вызывал широкое недовольство. Падение режима ВКП(б), на которое рассчитывали евразийцы, было и вправду возможным, и тогда «Трест» мог предстать в совсем ином свете (современные события показывают, что и кураторы «Треста» из ГПУ могли бы тогда попытаться выдать себя за антикоммунистическую оппозицию).

Еще большую остроту ситуации придавало то обстоятельство, что в эмиграции были популярны параллели между русской и французской революцией и вытекающая отсюда уверенность, что большевистская революция будет «свернута» диктатором, который выйдет из среды революционной армии, разгонит или преобразует партию, вернет некоторые права церкви и, возможно, даже дворянству. Среди кандидатур в «красные Бонапарты» чаще всего называли Тухачевского.

Но наиболее показательна в этом смысле деятельность левой, парижской группы (которая поначалу, между прочим, получила санкцию от самих Савицкого и Трубецкого на переговоры с большевиками и обращение крупных чиновников-большевиков в евразийство). Я имею в виду известные специалистам тайные переговоры П.П. Сувчинского и Л.П. Карсавина с одним из лидеров правой оппозиции в ВКП(б) Г.Л. Пятаковым, который в конце

⁸ Агурский 2003: 162.

1927–1928 гг. работал в советском торгпредстве в Париже⁸. В ходе их встречи 1927 г. Сувчинский предложил Пятакову создать на базе евразийской группы «теоретическую лабораторию» для советской правой оппозиции (что, как иногда утверждают, предполагало выпуск «Евразии» в СССР как органа официальной партийной оппозиции). Правда, интереса со стороны советского руководства это предложение не вызвало.

Показательно в этом смысле и письмо Л.П. Карсавина Г.Л. Пятакову, полный текст которого был опубликован в 2013 г. Там Карсавин заявлял:

Мы подняли вопрос о беседе с Вами и, возможно, ещё с другими видными представителями нашей общей <С>ССР не для того, чтобы отказаться от нашей идеологии и производить какую-то новую «смену вех»... Нам по-прежнему было бы очень ценно вполне откровенно, без всяких задних и так называемых контрреволюционных мыслей обсудить с Вами и евразийскую идеологию, и современное положение⁹.

Очевидно, речь идет не о покаянном «хождении в Каноссу», а о попытке повлиять на «революционных тиранов» ради возможности их перевоспитания в евразийском духе — столь же наивной, как и попытки Платона перевоспитать Дионисиев.

Но почему же евразийцы избрали именно такой путь — распространения своей идеологии среди руководителей СССР и его правящего слоя (прежде всего, молодежи)? Ведь подавляющее большинство послеоктябрьской эмиграции делали ставку совсем на другие способы борьбы с коммунизмом. Немного утрируя, можно разделить эмигрантов первой волны на «монархистов» («правых») и «февралистов» («либералов» и «умеренных социалистов»). «Монархисты» считали, что победа над большевизмом возможна в результате новой интервенции, сопровождаемой народным антибольшевистским восстанием внутри СССР. В связи

⁸ О них см., например, Глебов 2010.

⁹ См. Колеров 2013: 421.

с этим «монархисты» вели террористически-диверсионную деятельность на территории СССР, стремились установить связи с антисоветским подпольем в СССР, а отдельные представители монархистов пытались вести переговоры с иностранными державами на предмет участия в новой интервенции. Прежде всего это касается РОВС (Российского Обще-Воинского Союза), который декларировал себя как Русскую армию в условиях эмиграции, готовую в случае необходимости вступить в вооруженную борьбу с большевизмом. В приказе № 1 генерала Врангеля от 1 сентября 1924 года говорилось: «Продолжая заботы по объединению зарубежного офицерства Русской армии... я предоставил возможность всем офицерским союзам войти в ее состав... Верю, что когда Родине потребуются наши силы, все честные воины встанут в наши ряды»¹⁰. Террористическая деятельность РОВС под руководством генерала А.П. Кутепова общеизвестна, так же как и связи террористов РОВС с мифическим «Трестом». Существуют документы, подтверждающие попытки ген. А. фон Лампе «подтолкнуть колеблющегося председателя РОВСа Е.К. Миллера к заключению с нацистами конкретного соглашения о сотрудничестве в будущей войне с СССР»¹¹.

«Февралисты» рассчитывали на внутреннее перерождение и гниение коммунистического режима, которое, как тогда казалось, началось с приходом НЭПа. Раскол в партии и образование фракций, считали они, дойдет в конце концов до превращения фракций в партии, оппозиционные правящей, коммунистической, затем будут легализованы «близкие по духу» социалистические партии — эсэры и меньшевики, затем дойдет очередь и до кадетов; а развитие НЭПа в определенный момент сделает социализм пустым официальным лозунгом и полностью переведет советскую экономику на рельсы капитализма. Таким образом, будущее постсоветской России виделось «февралистам» как постепенная и бескровная победа парламентской демократии и капи-

¹⁰ См. Киселев 1999: 10.

¹¹ Киселев 1999: 9.

тализма западного типа. Такую позицию занимал межпартийный Республиканско-демократический союз, включавший в себя остатки кадетской партии, а также правоэсеровских крестьянских организаций. Свою тактику они называли «медленным обволакиванием большевистской власти», имея в виду, что нэпманы, старорежимные интеллигенты-спецы, представители иностранного бизнеса постепенно срастутся с Советской Властью и ВКП(б), прежде всего с правой оппозицией в партии, и осуществят перерождение. Как отмечают современные историки: «Нэповский “экономический Брест большевизма” придал деятелям этой закулисы уверенность, что сама спонтанная жизнь страны будет исподволь подтачивать основы большевистских порядков в обществе»¹².

Евразийцы считали и тот, и другой путь гибельными. Возвращения старых имперских порядков они не желали, так как это было бы возвращением состояния, которое и привело к революции. Кроме того, они не верили в благотворительность западных союзников, которые помогли бы эмигрантам прийти к власти в ходе интервенции. Напротив, евразийцы считали, что будущему императору придется расплачиваться с ними российскими землями и частичной утерей суверенитета России. «Эволюционное» установление в России демократии западного типа, по евразийцам, также привело бы к превращению России в марионетку Запада и к ее развалу, так как только сильная авторитарная власть может удержать столь обширную многонародную страну. В сущности, критикуя демократический путь, евразийцы в точности предсказали то, что произошло с нашей страной в начале 1990-х. Показательно, что Н.Н. Алексеев замечает, что демократический вариант развития событий, с точки зрения евразийцев, был менее желателен, чем бонапартистский, ведь превращение России во второстепенную европейскую демократию означало бы угасание энергии революции, погружение страны в буржуазный застой¹³.

¹² Киселев 1999: 520.

¹³ Алексеев 2000: 176.

Не желая допустить этого, евразийцы стремились в случае падения правящей элиты большевиков, опираясь на здоровые слои в советской элите, прийти к власти и преобразовать коммунистическую партию в евразийскую. Как выразился по этому поводу евразиец Алексеев, «евразийцы должны... приложить все усилия, чтобы сделаться постепенно мозгами этого нового (переродившегося советского — *Р.В.*) режима, чтобы наполнить новым содержанием унаследованные им от революции обветшалые формы, осмыслить их и оживить»¹⁴.

Попытки евразийцев внедриться в правящий слой в СССР, вести пропаганду среди командиров Красной Армии и комсомольцев, из гущи которых, возможно, суждено выйти «красному Бонапарту», можно соотнести с платоновскими попытками перевоспитать тиранов Сицилии. И точно так же, как Платон, евразийцы были убеждены в нежелательности установления в стране демократии: диктатура «красного Бонапарта», который попадет под идейное влияние евразийцев, — наиболее удобный путь для превращения коммунистической идеократии в евразийскую эйдократию. Не последнюю роль во взглядах евразийцев играла и симпатия к авторитарной власти, которую они, как и Платон, считали более предпочтительной, чем демократия.

4.

Думается, параллель эта не случайна и связана с внутренней логикой самого платонизма. Хотя Платон и объяснял свой выбор тирании как базы для построения наилучшего государства единоначалием тиранического государства, полагаю, здесь следует говорить о гораздо более глубинных причинах. На это указывает тот факт, что в списке государственных устройств, пригодных для преобразования в республику философов, царская власть у Платона стоит лишь на втором месте (после тирании). Это не может не вызывать удивления: царь ведь тоже единственный правитель, к

¹⁴ Алексеев 2000: 177.

тому же он, очевидно, лучше тирана, значит, перевоспитать его легче.

Возможно, мы найдем ключ к объяснению этого обстоятельства, если вкратце окинем мысленным взором все платоновское учение о политической истории. А история эта, как ее излагает Платон в «Государстве», представляет собой регресс. Трехсословное государство философов начинает вырождаться, когда правители, совершающие отбор людей для каждого из сословий, теряют знание о загадочном «брачном числе», позволявшем так сводить мужчин и женщин, чтобы от философов рождались философы, от стражей — стражи, от демиургов — демиурги. Вследствие этого в среде философов-правителей появляются люди с «серебряной» и «медной» душами (то есть непригодные для управления государством и предназначенные воевать или трудиться). Начинается смещение сословий, и на первый план выходят воины-стражи, которые основывают новый режим — тимократию. Тимократическое государство подчиняется уже не высшим надкосмическим принципам, а честолюбивым устремлениям стражей. Но на этом вырождение не прекращается: уставшие от войн дети тимократов превращаются в олигархов, которые стремятся лишь к обогащению. В государстве начинается борьба между богатыми и бедными, а поскольку бедняков большинство, то они побеждают и учреждают демократию. Наконец, из среды демократов, пресытившихся свободой, выступает тиран, усилиями которого маятник политики качнется в противоположную сторону, и свободолюбивую демократию сменит тирания.

Получается, что тирания, по Платону, — закономерный и окончательный итог исторического развития идеального государства. Государство философов, если оно утеряло свой мистический якорь — «брачное число», неизбежно должно начать вырождаться и пройти все ступени этого вырождения вплоть до тирании. И это вырождение будет зеркальным отображением вневременного космического вырождения идей, погружающихся в материю и порождающих вещи, которые все больше и больше теряют бы-

тийный статус, пока не превратятся в материю-небытие. Тирания в этом случае — это, практически, уровень социального небытия, где государства как воплощения устойчивости и порядка почти не существует. После тирании дальше уже двигаться некуда — только к началу нового цикла, к новому государству философов. Низшая точка падения одновременно становится и высшей точкой (прямо по афоризму Гераклита: «путь вверх и путь вниз — один и тот же путь»), если мудрый законодатель-философ сумеет преобразовать тирана в философа. Именно это следует из логики платонической философии политики.

Но аналогичную схему мы находим и у евразийцев. Совершенное эйдократическое государство у них — это, конечно, православное «русско-татарское» Московское царство. Петр Первый в таком случае — правитель, который лишил это государство «трансцендентной подпитки». Разрушив симфонию церкви и государства, лишив церковь достойного места в обществе, он открыл эпоху российской тимократии — империи, для которой религиозная миссия России превратилась просто в официальный пустой лозунг, а истинной сутью государства стал по-своему величественный, но мертвящий милитаризм. Затем, уже в XIX веке, тимократы-дворяне превращаются в олигархов — наступает эпоха российского капитализма. И, наконец, революция 1917 года — это восстание демоса против выродившейся, погрязшей в накопительстве и праздности аристократии и — рассматривая шире — высшего слоя. Большевики случайно возглавили этот бунт, но именно из их среды должен выйти «красный Бонапарт» — тиран, которому суждено уничтожить российскую демократию и тем самым завершить этот трехсотлетний цикл российской истории. Если «красного тирана» должным образом перевоспитать, то конец старого цикла совпадет с началом нового и на сцену истории выйдет новое эйдократическое российско-евразийское государство, повторяющее Московское царство, но уже на качественно ином новом витке. Залогом этого, по евразийцам, служит то, что русский народ даже в условиях коммунистической демо-

кратии, действующей морально и духовно разлагающе, в большинстве своем сохранил верность православию и отторгает западнический марксизм.

Проще говоря, параллель между политической практикой Платона и евразийцев вовсе не случайна; стремление сделать тиранию воротами в эру нового совершенного государства закономерно для любой версии платонической философии (а евразийство и было, на наш взгляд, одной из ее версий).

Литература

- Агурский 2003 — *Агурский М.С.* Идеология национал-большевизма. М.: «Алгоритм», 2003.
- Алексеев 2000 — *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. Москва: «Аграф», 2000.
- Вахитов 2014 — *Вахитов Р.Р.* Теория идей и континенталистская геополитика у евразийцев и у Платона // Платоновские исследования. Вып. I (2014) / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М.—СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2014. С. 361–376.
- Глебов 2010 — *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. М.: Новое изд-во, 2010.
- ЕВ 1923 — Евразийский временник / Непериодическое издание под редакцией Петра Савицкого, П.П. Сувчинского и кн. Н.С. Трубецкого. Книга третья. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923.
- Киселев 1999 — Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. Документы и материалы / Под редакцией профессора А.Ф. Киселева. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1999.
- Колеров 2013 — *Колеров М.А.* О любви евразийства к СССР: письмо Л.П. Карсавина к Г.Л. Пятакову (1927) // Русский Сборник: исследования по истории России. Том XIV / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. М.: Издатель Модест Колеров, 2013. С. 415–421.
- Лосев, Тахо-Годи 1993 — *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель. М.: «Молодая гвардия», 1993.
- Лосев 2000 — *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков: «Фолио»; Москва: «АСТ», 2000.
- Савицкий 1997 — *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: «Аграф», 1997.